

Я. Коблов

**Граф Л. Н. Толстой и
мусульмане; по поводу
переписки Л. Н. Толстого с
казанскими татарами**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Я11

Я11 **Я. Коблов**
Граф Л. Н. Толстой и мусульмане; по поводу переписки Л. Н. Толстого с казанскими татарами / Я. Коблов – М.: Книга по Требованию, 2023. – 41 с.

ISBN 978-5-517-98144-8

ISBN 978-5-517-98144-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

На столбцах нѣкоторыхъ періодическихъ изданій (между прочимъ мѣстной газеты — „Казанскаго Телеграфа“) неоднократно оповѣщалось, что въ послѣднее время графъ Л. Н. Толстой занятъ изученіемъ ислама. Намъ не извѣстно точно, насколько достовѣрно это газетное сообщеніе. Но несомнѣнно, что знаменитый писатель одно время интересовался религіозными вѣрованіями мухаммеданъ, доказательствомъ чего служить его переписка съ образованными татарами.

Эта переписка характерна въ томъ отношеніи, что она показываетъ намъ, какъ возможно единеніе лицъ, не имѣющихъ между собою никакого сродства, лишь по протесту къ чему либо враждебному для нихъ. Какъ далеко ни ушелъ Л. Толстой въ своихъ религіозно-философскихъ взглядахъ отъ христіанства, — все таки у него больше сродства съ христіанской религіей, нежели съ исламомъ. Съ другой стороны, несмотря на всю силу враждебныхъ отношеній ислама къ христіан-

---

¹⁾ Насколько подлинна эта переписка, распространенная въ Казани въ литографированномъ видѣ, хотя и за подписью Льва Толстого, сказать, конечно, трудно. Не подлежитъ сомнѣнію только самый фактъ распространенія ея среди казанскихъ мусульманъ и поставленія ея въ связь съ именемъ знаменитаго русскаго романиста-писателя. Прим. ред.

ской религіи, въ ней мухаммеданинъ найдетъ болѣе родственныхъ элементовъ, нежели въ ученіи знаменитаго писателя. Достаточно сравнить ученіе Л. Толстого о бракѣ и непротивленіи злу съ мухаммеданскимъ ученіемъ о бракѣ и священной войнѣ для истребленія невѣрныхъ, чтобы убѣдиться въ этомъ. И однако мухаммедане и Л. Толстой пишутъ другъ-другу письма.... Мухаммедане, не подозрѣвая очевидно, что ученіе ислама полная противоположность толстовскому ученію, ждутъ отъ знаменитаго писателя одобренія для своей религіи. А Л. Толстой, повидимому, желаетъ найти прозелитовъ для своего ученія въ средѣ мухаммеданъ.

Переписка началась въ то время, когда Л. Толстой, по поводу отлученія его отъ православной церкви, написалъ свой „Отвѣтъ Св. Синоду“. Этотъ пресловутый „Отвѣтъ“ общеизвѣстенъ. Л. Толстой вполне подтвердилъ имъ, справедливость своего отлученія отъ церкви, искренне сознаваясь въ своемъ отрицаніи христіанскаго вѣроученія. Для мухаммеданъ всякая распря внутри православной церкви „на руку“. И вотъ для поддержанія и укрѣпленія ея они пишутъ Л. Толстому сочувственное письмо. У насъ подъ руками нѣтъ этого письма. О немъ Л. Толстой упоминаетъ въ своихъ отвѣтныхъ письмахъ, изъ которыхъ между прочимъ видно, что мухаммедане не только сочувствуютъ ему, но даже согласны, по его собственному выраженію, съ главными пунктами его вѣрованія. „Ваше согласіе, пишетъ онъ, съ главными пунктами моего вѣрованія, выраженными въ отвѣтъ Синоду, очень было мнѣ радостно. *Я очень дорожусь духовнымъ общеніемъ съ магометанами*“. Удивительное дѣло! Мухаммедане и—согласны съ ученіемъ Л. Толстого. Въ чемъ можетъ выражаться это согласіе? Въ ученіи о Богѣ? Но по ученію мухаммеданъ, Богъ есть личная, живая сила, обладающая духовными совершенствами. Монотеизмъ ислама совершенно отдѣляетъ Божественную жизнь отъ жизни міровой и не допускаетъ между ними никакаго соотношенія. Между тѣмъ, по ученію Л. Толстого, „Богъ,

какъ истина, не есть самостоятельное существо, лично и самобытно существующее“. „Богъ есть отвлеченное свойство, но не лице. Бога нигдѣ, кромѣ нашей мысли, и нѣтъ. Богъ—духъ, т. е. наши качества. Богъ есть не иное что, какъ духовная сущность въ человѣкѣ“. Отсюда всякій человѣкъ, по ученію Л. Толстого, есть сынъ Божій. „Каждый человѣкъ долженъ признать себя сыномъ Бога, такимъ же, каковъ Богъ по своей природѣ“¹⁾. Какъ далеко это ученіе Л. Толстого отъ мухаммеданскаго,—это для всякаго очевидно.

Далѣе можно назвать основною заповѣдью ученіе Л. Толстого о непротивленіи злу и о подавленіи своего „я“. И съ этимъ истовый мухаммеданинъ не можетъ согласиться въ виду ясно выраженнаго ученія Корана о борьбѣ со зломъ. Въ Коранѣ Мухаммедомъ завѣщено: „Когда встрѣтитесь съ невѣрными, то сѣкайте съ нихъ головы дотолѣ, покуда не сдѣлаете имъ совершеннаго пораженія“ (Кор. 47, 4). Не трудно видѣть, что съ непротивленіемъ злу это ученіе Корана не имѣетъ ничего общаго. Не будемъ далѣе сравнивать ученіе Толстого и мухаммеданъ о пророкахъ, о раѣ и адѣ, о бракѣ и и т. д. Между ними въ этомъ отношеніи нѣтъ даже и тѣни сходства.

Можетъ быть, мухаммедане, писавшіе письма Толстому отказались отъ своего вѣроученія и признали Толстовское ученіе? Но увы! и этого нѣтъ. Изъ дальнѣйшихъ писемъ мы убѣждаемся, что они насколько не отступаютъ отъ основныхъ постановленій ислама, по мѣстамъ только сглаживая его недостатки. Поэтому слова Толстого по поводу перваго письма: „ваше согласіе съ главными пунктами моего вѣрованія очень было мнѣ радостно“,—едва-ли высказаны правильно.

Вѣрнѣе, мухаммедане высказали свое согласіе, если только они имѣли правильный взглядъ на ученіе Толстого, не съ основными пунктами его вѣрованія,

¹⁾ Проф. Н. И. Ивановскаго: „Графъ Левъ Николаевичъ Толстой и его ученіе“. С.-Петербургъ, 1903, р. стр. 15—17.

а съ его отрицательнымъ отношеніемъ къ догматамъ христіанской религіи. Какъ извѣстно, въ своемъ „Отвѣтъ“ Св. Синоду Толстой высказывается противъ христіанскаго ученія о Пресвятой Троицѣ, о воплощеніи Сына Божія, противъ церковныхъ таинствъ и т. д. Мухаммедане благовременно высказываютъ ему свое сочувствіе.

Съ другой стороны, у мухаммеданъ есть тайное поползновеніе—услышать отзывъ отъ знаменитаго писателя и о своей вѣрѣ. Л. Толстой отказался отъ христіанства, — думаютъ мухаммедане. Это хорошо. У него въ сочиненіяхъ говорится о Богѣ, Единомъ, Духѣ. Не склоненъ ли онъ къ мухаммеданству? Какъ ни странной на первый взглядъ покажется эта мысль, но это такъ. Мухаммедане считаютъ христіанскую вѣру выше всѣхъ другихъ послѣ мухаммеданской. Послѣ великаго пророка Іисуса эта вѣра, по ихъ ученію, искажена, Евангеліе повреждено. Но въ ней есть остатки истины, которые подтверждаются Кораномъ. Если Толстой, этотъ знаменитый писатель, ученый человекъ, отказался отъ христіанской вѣры, какую-же иную вѣру онъ можетъ признать? Непременно мухаммеданскую. Ему только слѣдуетъ разъяснить сущность этой вѣры, войти съ нимъ въ сношеніе. Въ крайнемъ случаѣ, если онъ и не признаетъ мухаммеданства, онъ подъ влияніемъ огорченія причиннаго ему христіанской церковью можетъ сказать что-либо въ пользу ислама. И это — значительный успѣхъ въ постоянной борьбѣ христіанства съ мухаммеданствомъ.

Ожиданія мухаммеданъ, конечно, не могли увѣнчаться успѣхомъ. Л. Толстой остался вѣренъ своему ученію; согласно съ своими основными воззрѣніями онъ высказываетъ взглядъ и на мухаммеданство. Все это видно изъ его двухъ отвѣтныхъ писемъ „мусульманамъ“. Въ первомъ письмѣ Л. Толстой нѣсколько сбивчиво разсуждаетъ о мухаммеданствѣ. Онъ смѣшиваетъ ученіе мухаммеданъ строгаго направленія с

ученіемъ Тариката и суфіевъ; и приписывая взгляды послѣднихъ мухаммеданству, ставятъ это ученіе очень высоко. Обратимся къ подлиннымъ словамъ письма: „Я очень дорожу, пишетъ онъ, духовнымъ общеніемъ съ магометанами. Ученіе Тариката и суфіевъ ¹⁾ мнѣ извѣстно. Ученіе это очень высокое; по моему мнѣнію, недостатокъ его состоитъ въ томъ, что, по этому ученію, сознаніе въ себѣ Бога допускается только для нѣкоторыхъ людей вслѣдствіе особеннаго для этого приготовленія постомъ и молитвою, тогда какъ сознаніе въ себѣ Бога есть свойство всякаго человѣка. такъ какъ душа человѣка есть частица Божества“. Итакъ Л. Н. Толстой, судя по его письму дорожить духовнымъ общеніемъ съ мухаммеданами потому, что „ему извѣстно ученіе Тариката и суфитовъ и онъ цѣнитъ это ученіе“.

Для того, чтобы уяснить себѣ такое отношеніе Л. Толстого къ суфитскому ученію, обратимся къ краткому его изложенію. Ученіе суфитовъ можно опредѣлить, какъ идеалистическій пантеизмъ. „Для суфита вселенная кажется чѣмъ-то нереальнымъ, недѣйствительнымъ, а одинъ Богъ представляетъ нѣчто дѣйствительное“. Человѣческій умъ не можетъ понять Бога. Поэтому суфиты въ своихъ метафорическихъ гимнахъ говорятъ о Немъ, какъ о вѣчной красотѣ, а о вселенной, какъ о зеркалѣ этой вѣчной красоты.

---

¹⁾ По ученію суфитовъ, въ религіозной жизни человѣка— три періода. Во-первыхъ, существуетъ *шаріатъ*—внѣшній законъ, данный людямъ для руководства (напр. мухаммеданскій законъ—шаріатъ). И всякій поступающій по правиламъ этого закона приближается къ Богу, хотя слѣпо. Во-вторыхъ, уже выше шаріата находится *тарикатъ*, или путь къ единенію съ Богомъ; идущій по этому пути придерживается правилъ жизни гораздо высшихъ, чѣмъ внѣшнее подчиненіе закону. Пройдя этотъ путь, усѣянный трудностями и опасностями, вѣрующіе достигаютъ блаженнаго состоянія *хакиката*, т. е. общенія съ истиной. См. книгу Тимирязева: „Религіозныя вѣрованія съ древнѣйшихъ временъ до нашихъ дней“. Стр. 328.

Богъ, по мнѣнію суфитовъ, источникъ абсолютной красоты, слабымъ отраженіемъ которой служить красота на землѣ во всѣхъ ея видахъ. Богъ—вездѣ и во всемъ. „Все для суфита говоритъ о Богѣ, все славословить его“. Было время, когда Богъ былъ одинъ въ своемъ великомъ абсолютномъ одиночествѣ, но онъ пожелалъ проявить себя и создалъ вселенную, чтобы всѣ знали о немъ. Такъ какъ узнать что-нибудь можно только видя противоположное, и такъ какъ Богъ—источникъ добра, то узнать его можно было только съ появленіемъ зла. Но если Богъ одно, что существуетъ, то зло вовсе не существуетъ и ничто иное, какъ временная, условная, не дѣйствительная иллюзія. А по связи съ этимъ и матеріальный міръ ничто иное, какъ миражъ, вызванный изъ хаоса, соединеніе добра со зломъ для проявленія Бога.

Человѣкъ, по взгляду суфитовъ, такъ же, какъ и вселенная, составляетъ соединеніе дѣйствительнаго и недѣйствительнаго, добраго и недобраго, свѣта и мрака. На мистическомъ языкѣ суфитовъ—это „глазъ отраженнаго Бога въ зеркалѣ небытія“. Съ помощью этого глаза Богъ видитъ себя. Верховное блаженство—конечная цѣль—соединеніе съ Богомъ. Какъ капля расплывается въ океанѣ, любящій поклонникъ соединяется съ предметомъ своей любви. Онъ не перестаетъ существовать, а сливается съ Богомъ, отраженіемъ котораго онъ былъ прежде. Для достиженія единенія съ Богомъ необходима любовь и отреченіе отъ себя, такъ какъ человѣческое я—источникъ всѣхъ страданій и грѣховъ ¹⁾.

Вотъ въ краткомъ видѣ ученіе суфитовъ. Вполнѣ понятно, почему Л. Толстой высоко цѣнитъ это уче-

---

¹⁾ Подробнѣе о суфизмѣ см. въ лекціи Эдуарда Брауна: „Вѣрованіе суфитовъ“, которая помѣщена въ книгѣ: „Религіозныя вѣрованія съ древнѣйшихъ временъ до нашихъ дней“. Тимирязева. Переводъ съ англійскаго. С.-Петербургъ. 1900 г. Стр. 325—335.

ніе. Оно, какъ видимъ, вполнѣ совпадаетъ съ его собственнымъ ученіемъ о Богѣ, вселенной и челоуѣкѣ. Но онъ дорожитъ ради этого ученія духовнымъ общеніемъ съ мухаммедавами, вчастности съ нашими отечественными татарами. И въ этомъ отношеніи онъ допускаетъ ошибку. Суфитское ученіе не имѣетъ ничего общаго съ мухаммеданствомъ. Правда, суфиты сохраняютъ нѣкоторую слабую связь съ исламомъ подобно тому, напр., какъ Л. Н. Толстой съ христіанствомъ: но это объясняется только тѣмъ, что они выходятъ изъ среды исповѣдниковъ ислама. Нельзя даже сказать того, чтобы суфизмъ образовался на почвѣ ислама. Скорѣе онъ представляетъ изъ себя или остатки какой-нибудь системы до-мухаммеданской Персіи или развитіе неоплатонизма, который подъ сильной окраской восточныхъ идей перенесенъ былъ въ Персію.

Лучше всего отношеніе суфизма къ исламу выражается въ его индифферентизмѣ ко всѣмъ религіямъ. Суфизмъ признаетъ, что всѣ религіи болѣе или менѣе совершенный отблескъ истины, а потому считаетъ ихъ всѣ настолько благотворными, насколько онѣ выражаютъ истину. „Пути къ Богу, говорятъ суфиты, такъ же многочисленны, какъ дыханіе людей“¹⁾. Поэтому строгіе исповѣдники ислама никогда не зачисляли суфитовъ въ свой лагерь. Суфиты подвергались отъ нихъ гоненіямъ и даже смерти. Такъ, напримѣръ, въ Багдадѣ въ XI-мъ столѣтіи былъ распятъ Суфитъ Гуссейвъ - ибн-Мансуръ, потому что въ порывѣ мистическаго изступленія онъ воскликнулъ: „Я—истина“. Суфитъ Сухраварди былъ преданъ голодной смерти.

Итакъ ученіе суфитовъ не то же самое, что исламъ въ его чистомъ видѣ. А потому и Л. Толстому нѣтъ основаній дорожить духовнымъ общеніемъ съ мухаммедавами. Онъ восхваляетъ ученіе суфитовъ — родственное его собственному ученію, но о подлинномъ ортодоксальномъ мухаммеданствѣ онъ пока еще не

¹⁾ Ibid. Стр. 333.

сказалъ ничего. Письма писали ему Казанскіе татары, среди которыхъ, какъ извѣстно, суфитовъ нѣтъ и они ихъ не терпятъ. А потому и похвала знаменитаго писателя никоимъ образомъ не можетъ относиться къ вѣрѣ, содержимой казанскими татарами.

Теперь посмотримъ, какъ Л. Н. Толстой относится собственно къ мухаммеданству въ томъ видѣ, въ какомъ исповѣдуютъ его наши отечественные мухаммедане. Это отношеніе можно усматривать изъ перваго же письма, въ дальнѣйшихъ строкахъ котораго Л. Толстой опредѣляетъ свой взглядъ на ихъ религіозныя вѣрованія: „Не могу, пишетъ онъ, согласиться съ вашимъ опредѣленіемъ вѣры; то, что вы называете вѣрою, есть довѣріе, т. е. что я признаю справедливымъ все то, что мнѣ скажетъ извѣстный человѣкъ; на этомъ довѣрїи основаны всевозможныя вѣры“..... „Основанныхъ на такомъ довѣрїи вѣръ тысячи—противоположныхъ одна другой; отъ такихъ вѣръ все зло въ мірѣ. Истинная же вѣра есть одна та, которая признаетъ существованіе Высшаго Начала—Бога, отъ котораго я изшелъ, къ которому приду, которымъ живу и часть котораго составляю“¹⁾.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что къ числу вѣръ, основанныхъ на довѣрїи, „отъ которыхъ все зло въ мірѣ“, Л. Толстой относитъ и мухаммеданскую вѣру, такъ какъ по поводу опредѣленія мухаммеданиномъ своей вѣры онъ и коснулся этого вопроса. Яснѣе этотъ взглядъ Л. Толстого на мухаммеданскую вѣру высказаны имъ во второмъ письмѣ, написанномъ на имя нѣкоего Асфендіяра Зайнетдинова. Въ немъ, предварительно пояснивъ примѣрами свой, представленный въ первомъ письмѣ, взглядъ на вѣру вообще, онъ уже прямо говоритъ, что мухаммеданская вѣра не заслуживаетъ никакого довѣрїя. Вотъ это письмо.

¹⁾ Перваго письма Л. Толстого мы не приводимъ въ полномъ видѣ потому, что, за исключеніемъ приведенной цитаты изъ него, всѣ основныя мысли его заключены во второмъ письмѣ.

„Милостивый Государь, Асфендіарь Зайнетдиновичъ!

Сдѣлаемъ чувашами и послушаемъ двухъ не пророковъ (пророковъ никакихъ не бываетъ), а людей. Одинъ говоритъ чувашину: чувствуешь ли ты въ себѣ что-либо кромѣ своего тѣла? Всякій чувашининъ отвѣтитъ, что чувствуетъ нѣчто духовное, мыслящее, любящее. Тогда мы его спросимъ: всемогущее ли это духовное существо, которое ты въ себѣ чувствуешь? Чувашининъ скажетъ, что нѣтъ, что онъ чувствуетъ, что это существо ограниченное. Тогда мы скажемъ ему: но если это существо, которое ты сознаешь въ себѣ, ограниченное, то должно быть такое же существо неограниченное. Вотъ это-то неограниченное существо и есть Богъ, котораго сущность ты чувствуешь въ себѣ ограничленною и которое какъ неограниченное существо обнимаетъ тебя такъ, что ты находишься въ немъ.

Такъ скажетъ первый человѣкъ, не утверждая про себя, что онъ отъ Бога, что онъ пророкъ, а только утверждая то, что каждый знаетъ и можетъ наблюдать въ самомъ себѣ. Другой же — Магометъ начнетъ съ того, что скажетъ: вѣрите мнѣ, что я пророкъ и что все то, что я вамъ буду говорить и что написано въ моемъ Коранѣ — все это истинная правда, открытая мнѣ самимъ Богомъ, и станетъ излагать все свое учение. На это чувашининъ, если онъ не совсѣмъ дуракъ (а изъ нихъ есть много умныхъ), скажетъ: Да я почему же вамъ повѣрю, что все то, что вы говорите, отъ Бога. Я не видѣлъ, какъ вамъ Богъ передавалъ свою истину и не имѣю никакихъ доказательствъ того, что Вы пророкъ. Тѣмъ болѣе, что я знаю, что есть буддисты, браминисты, мормоны, у которыхъ точно также пророки, какъ вы, и которые точь въ точь то же говорятъ про себя, что и вы.

Такъ-что то, что вы про себя говорите, что вы пророкъ, никакъ не можетъ меня убѣдить въ томъ, что все то, что вы сказали и что написано въ Ко-

ранѣ—истинная правда. То, что вы летали на седьмое небо, меня нисколько не убѣждаетъ и я не видѣлъ этого. Тоже и въ Коранѣ написано иногда не совсѣмъ ясно, а часто запутано, многословно, произвольно и даже исторически невѣрно, какъ я слышалъ отъ людей. Убѣдить меня можетъ только то, что я самъ со-знаю и могу провѣрить разсужденіями и внутреннимъ опытомъ. Такъ скажетъ умный чувашининъ на слова второго человѣка, и я думаю, что будетъ совершенно правъ. Такъ вотъ, любезный братъ, что я думаю о магометанствѣ. Оно будетъ очень хорошимъ ученіемъ и совпадетъ съ ученіемъ всѣхъ истинно религіозныхъ людей только тогда, когда откинетъ слѣпую вѣру въ Магомета и Коранъ, и возьметъ изъ него то, что согласно съ разумомъ и совѣстью всѣхъ людей. Простите, если мои слова оскорбили Васъ. Истину нельзя говорить вполонину, надо говорить все или ничего.

Съ почтеніемъ къ Вамъ Левъ Толстой“.

Не думаемъ, чтобы это письмо требовало подробныхъ комментарій ¹⁾. Поэтому ограничимся небольшимъ замѣчаніемъ. Прежде всего это письмо въ достаточной степени должно убѣдить мухаммеданъ въ томъ, что, если кто изъ ученыхъ людей, отрекается отъ христіанской вѣры,—это еще далеко не значить, что въ тайникахъ своего сердца онъ исповѣдуетъ исламъ, какъ

¹⁾ При этомъ мы должны слѣлать оговорку. Въ виду многочисленности солидныхъ трудовъ, спеціально посвященныхъ выясненію и разбору толстовскаго ученія, мы не поставляемъ свою задачу отмѣчать общіе неправильные взгляды Л. Толстого, высказанные имъ въ письмахъ, ограничивая ее выясненіемъ отношенія Л. Толстого къ мухаммеданству и разборомъ мухаммеданскаго ученія по тѣмъ пунктамъ, которые затронуты въ письмахъ. Интересующихся собственно ученіемъ Л. Толстого отсылаемъ, во-первыхъ, къ вышеупомянутой брошюрѣ проф. Н. И. Ивановскаго и, во-вторыхъ, къ болѣе подробно хотеть ознакомиться, къ фундаментальному труду проф. А. Э. Гусева: „О сущности религіозно-нравственнаго ученія Л. Н. Толстого“. Казань. 1902 г.